

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 136, январь 2026

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЗАДАЧА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ПОРЯДКА

Говорят, что НСБ 2025 – Национальная стратегия безопасности, документ, который формализует *доктрину Трампа* во внешней политике, – знаменует собой разрыв с восьмидесятилетними трансатлантическими отношениями, сложившимися после второй мировой войны. Кроме того, в нашем марксистском анализе мы уже более двадцати лет пишем о *новой стратегической фазе*, почти десять лет – о *кризисе порядка*, пару лет – о *войнах кризиса порядка*, а с начала нового срока Дональда Трампа – об *атлантическом кризисе*. То, что этот кризис сейчас вступил в поворотную фазу, – факт; остаются открытыми вопросы о масштабах и продолжительности его стратегических последствий в будущем.

Можно спорить о том, соответствует ли НСБ Трампа на концептуальном уровне потребностям американского империализма. Здесь возникают неопределённости, связанные с *относительным упадком* США и атлантических держав по сравнению с Китаем, с *судорожным* характер этого упадка – но также и с контртенденциями, на которые претендует Трамп; с одной стороны – диспропорция между *военной силой* в сочетании со *стратегическим весом* в глобальных связях, с другой – явная слабость в виде долга, сокращения производственной базы для военной промышленности и системных рисков *пузыря* в сфере искусственного интеллекта.

Оценка подобного исторического поворота требует обращения к теории, к лучшим источникам правящего класса и, собственно, к траектории истории – не как к механическому воспроизведению прежнего опыта, а как к размышлению об аналогиях и изменениях.

Недавно в книге “Многополярная церковь в кризисе порядка” мы проанализировали католическую организацию как единственную силу правящего класса, укоренённую на глобальном уровне: «*католическую интернационал*», по формуле Андреа Риккарди. Как это часто бывает, политическая борьба заставляет политические силы и течения выйти из тени, а также позволяет марксизму совершать теоретические и политические приобретения, которые сохраняются как устойчивый результат.

Мы рассмотрели два аспекта борьбы Ватикана в *кризисе порядка*. Во-первых, в тексте “Война молчания” Андреа Риккарди за исследованием фигуры Пия XII проступает своего рода обзор “Ватикан и война”: практически систематизация архивных материалов, документирующих стратегию Ватикана с 1914 по 1945 год, которая предоставляет инструменты и концепции для встречи с *кризисом порядка* и его войнами. Во-вторых, мы нашли подтверждение этому в линии, проводимой папой Хорхе Бергольо и государ-

ственным секретарём Пьетро Паролином, которые достигли исторического соглашения с Пекином о назначении епископов и воссоединении официальной «*патриотической*» церкви с нелегальной церковью, подчинявшейся Риму. Отстаивая это соглашение, Рим подчеркнул именно *национальную* роль, которую сыграла католическая организация в войне 1914–1918 годов, предложив её Пекину в качестве модели и гарантии. В книге о “Многополярной церкви” мы задокументировали это, опираясь на эссе Джованни Сале в *La Civiltà Cattolica*, посвящённое интервенционистской мобилизации епископата для противодействия поражению при Капоретто, а также на наши оценки, согласно которым с 1914 года на противоположных фронтах сражалось около 10 тысяч военных капелланов, а также около 80 тысяч обычных священников, поставленных под ружьё – из 200 тысяч европейских священников.

Не то чтобы не было исследований и книг о превращении католического нейтралитета в интервенционизм, но одно дело – эрудированная историческая реконструкция, другое – увидеть этот опыт изученным, отстаиваемым и используемым самой церковью в политической борьбе, в новой стратегической ситуации, которая вновь выдвигает войну в центр противостояния, пусть пока и в форме *малых войн кризиса порядка*, а не ещё большой войны разрыва этого порядка.

Возьмём для примера три момента внутреннего противостояния в *католическом интернационале*, поскольку они помогают пролить свет по крайней мере на ближайшее десятилетие *политического цикла кризиса порядка*.

Итальянская епископская конференция (CEI) под председательством Маттео Дзуппи возвращается к вопросу о капелланах в “*пастырской ноте*”, где размышляет о «*кризисе международного порядка*», отмеченном новой «*ужасной центральной ностью войны*». В заключительной части он предлагает пересмотреть устав военных капелланов: «*Мы с благодарностью смотрим на работу военных капелланов, которые во многих обстоятельствах свидетельствовали Евангелие мира даже в крайне трудных условиях. Однако мы также задаёмся вопросом, не следует ли предусмотреть иные формы присутствия в таких контекстах – менее непосредственно связанные с принадлежностью к военной структуре: они позволили бы большую свободу в провозглашении мира, особенно в критических ситуациях*».

Комбонианец Джулио Альбанезе, работавший с агентством MISNA, был пионером миссионерской коммуникации; он сопровождал Бергольо во время пастырского визита в Африку в 2023 году и был назначен одним из советников

Государственного секретариата Ватикана. В интервью туринской газете *La Stampa* он высказывает острую критику субъективистской тенденции, в результате которой газеты, телевидение и социальные сети оказались в заложниках *дипломатии-спектакля* Трампа. В отношении Украины трамповская риторика, по его словам, является иллюзией, поскольку она претендует на «*упрощение структурно сложного конфликта, сводя его к воле одного сильного принимающего решения лица*». Речь идёт не столько о «*переоценке самого себя*», сколько о «*системной недооценке сил, участвующих в конфликте*»: «*Украинский конфликт не сводится к двустороннему кризису, который можно уладить с помощью телефонного звонка или личной встречи на высшем уровне. Это война, которая отражает глубокий геополитический разлом: пересмотр европейского порядка безопасности после холодной войны, ощущение Россией стратегического окружения, расширение и политико-военная роль НАТО, символическая ставка на суверенитет и идентичность Украины*».

Свобода действий США «*ограничена союзами, бюрократическим аппаратом, интересами военно-промышленного комплекса, ожиданиями союзников из ЕС*». Для Трампа внешняя политика – это продолжение торговых переговоров, то есть «*максимальное давление, персонализация отношений с противником, убеждение, что асимметрия сил автоматически приведёт к уступкам*». Однако это не работает в условиях «*конфликтов идентичности и безопасности*», где «*цена компромисса воспринимается как экзистенциальная*». В этом смысле США не контролируют динамику конфликта и «*не определяют выбор Киева и Кремля*». Вывод почти поражает тем, насколько он оспаривает субъективистскую концепцию политической воли: «*Исчезает волюнтаристское видение геополитики: идея о том, что политическая воля и харизма могут изменить структуры, интересы и исторические траектории. Международная система переживает переход к более многополярному и конфликтному порядку. Обещания быстрого умиротворения работают на символическом и внутреннем уровне, но разбиваются о стратегическую плотность реальных конфликтов*».

Мы полагаем, что ограниченность *дипломатии-спектакля* проявится независимо от результатов переговоров по *войне на Украине*. Это подтверждает буксование “*вечного мира*” применительно к *войне в Газе*.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, декабрь 2025 г.

Стеклов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова “Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала” (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Содержание

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЗАДАЧА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ПОРЯДКА.стр. 1
Доктрина Трампа и не известные факторы империалистического европеизма.стр. 2-3
Четвёртый пленум по подготовке Китая к войнестр. 4

Доктрина Трампа и не империалистического

(начало на стр. 1)

В контексте кровавого наступления российского империализма третьим источником плюралистической диалектики внутри *католического интернационала* выступают украинские греко-католические епископы – те самые *униаты*, которые, сохраняя восточный обряд православия, признают *примат Петра* и, следовательно, авторитет папы над Вселенской церковью. Являясь главным протагонистом мобилизации на войну, греко-католическая церковь Украины движется в направлении, прямо противоположном линии итальянской церкви. 1 июля 2022 года вступил в силу закон, который закрепил за украинской армией 738 военных капелланов, среди которых православные, греко-католики, протестантские пасторы, раввины и имамы. Командование Атлантического альянса, сообщает официальное информационное агентство по религиозным службам RISU, организовало учебные курсы, на которых капелланы, служащие на Западе, поделились своим опытом с украинскими коллегами. Речь идёт о НАТО, который, по известному выражению Бергольо, *«лает у границы России»*. Руководители украинского капелланства ответили взаимностью, выступив докладчиками на аналогичных курсах в Ассизи и на конференции, организованной Советом епископских конференций Европы в феврале 2025 года; среди полевого опыта, предложенного для обсуждения, фигурировал непромокаемый *«религиозный справочник»*, подходящий для окопов. *«Несём Бога в темноту войны»* – таков был их вклад, и пусть это послужит *«ЕС как эксперименту мира»*, о котором говорится в пастырской ноте CEI.

Дело в том, что греко-католическая церковь является неотъемлемой частью украинского национализма в его галицийско-львовском измерении; исторически этот национализм был настолько враждебен Польше и России, что привёл к сотрудничеству Степана Бандеры с Третьим рейхом. В событиях, которые привели к распаду СССР в 1990–1991 годах, Рух (Народное движение Украины) получил активную поддержку греко-католических священников, только что вышедших из подполья, в то время как требования независимости Украины подпитывались также недоверием к Киеву, вплоть до гипотезы о выходе из СССР только Галиции.

Львовская церковь заявляет, что в 2014 году она направила капелланов на Майдан, который с точки зрения Москвы был государственным переворотом, а для украинского национализма – *«революцией достоинства»*; то же самое касается отправки добровольцев из Галиции на фронт после февраля 2022 года. Почти явные призывы к вступлению в армию поступают от сети епархий, расположенных за рубежом среди украинских общин; так, архиепископ Борис Гудзяк, митрополит Филадельфии для украинцев Америки, как сообщает агентство *SIR*, вспомнив бойцов “Азовстали” в Мариуполе, призвал аудиторию молодых выпускников *«не бояться»*: *«есть вещи, за которые стоит жить и за которые стоит умереть»*, *«это ваш диплом»*.

Национально-католическая система в западной Украине похожа на системы

других епископатов в регионе, например, на польскую церковь, и Ватикану, вероятно, будет нелегко убедить Львов принять компромиссный мир. Повторные встречи Владимира Зеленского со Львом XIV, вероятно, имеют именно такой подтекст. Однако и здесь оказывается обоснованной критика, которую мы только что цитировали, – та, что была высказана миссионером-комбонянцем в адрес иллюзий *«примата политической воли»*: возможно, даже примат Петра не сможет *«сломить структуры, интересы и исторические траектории»* украинского национализма. Это служит контрапунктом к пастырскому письму итальянских епископов, в котором выражается сожаление о том, что религия *«часто используется националистами»*, или к аналогичному заявлению самого дона Джулио Альбанезе.

Дело не в католическом лицемерии, или не только в нём. Дело в том, что в реальном укоренении Вселенской церкви нет епархий Маттео Дзуппи без епархий Святослава Шевчука, и это связано с их стратегическими, а также теологическими и экклезиологическими размышлениями, с их *“теорией партии”*. В ходе войн они испытали и теперь предлагают модель автономии местных епископатов на службе нации, в диалектике с ватиканским центром, где понтифик как *«общий отец»* может оставить за собой право на скорбное осуждение *«бесполезной бойни»*. Это позволяет восстановить единство после окончания войны, и в этом смысле *католический интернационал* предлагает себя правящему классу как организация с проверенным опытом, сопровождающая переплетение *единства и раскола* унитарного империализма.

Это введение было необходимо, чтобы показать, каким образом изучение диалектики *католического интернационала*, столь функциональной для правящего класса, может быть полезно для определения сегодняшних задач *коммунистического интернационализма*, который является непримиримым противником этого класса. Карл Каутский был тонким знатоком истории христианства; кто знает, может быть, *красный папа*, как его прозвали, черпал вдохновение в истории церкви, когда пришёл к выводу, что у социалистических партий нет иного выбора, кроме как встать на сторону своей буржуазии, в ожидании, что годы войны пройдут как болезненное интермеццо. Большевики отказались от такой капитуляции и в Октябре навязали *революционный мир*. Ленин боролся с Каутским и обличал крах Второго Интернационала; сегодня единственной политической силой мирового господствующего класса, которая с сопоставимым влиянием занимается вопросами мира и войны – хотя и находясь в том же плену отношений между борющимися между собой буржуазиями, – является католическая церковь. Остановимся на трёх замечаниях.

Во-первых, то, что объединяет позиции итальянских и украинских епископов, хотя и в противоположных направлениях, – это, как бы то ни было, отношения с государственными властями. CEI предполагает пересмотреть позицию капелланов в военной структуре, чтобы сохранить за собой свободу

действий, особенно в критических ситуациях. Греко-католическая церковь Украины не только участвовала в военной организации в соответствии с законом 2022 года, но и является активным сторонником военных усилий в соответствии со своей национально-католической матрицей. Если присмотреться, то и новое соотношение в Китае между легальной и нелегальной организацией – с объединением *патриотической* церкви и церкви, подчиняющейся Риму, – прошло через отношения между властями государства, Ватикана и Китайской Народной Республики. Кто знает, может быть, в ещё не обнародованной части соглашения предусмотрено, что в будущих *«критических ситуациях»* в НОАК, китайскую армию, будет направлено некоторое количество капелланов наряду с сетью *«политических комиссаров»* партии.

Во-вторых, два епископата различаются своим положением по отношению к фронту – как в пространстве, так и во времени. CEI, как и остальные европейские епископские конференции, действует в Европе, которая сегодня является тылом войны на Украине, равно как и средневожостных конфликтов, тогда как церковь Украины находится непосредственно на передовой. Это объясняет, почему итальянские епископы могут позволить себе искать способы дистанцирования от военной структуры, что для украинских епископов уже невозможно. Но отличается и положение во времени: если сегодня Европа выступает тылом *малых войн кризиса порядка*, то завтра она может оказаться вовлечённой в конфликт напрямую, а не лишь, как сейчас, *по доверенности* на украинской границе. Сомнительно, что в тех *«критических ситуациях»*, о которых говорится в пастырской ноте CEI, епископы смогут сохранить свою дистанцию. Исторический опыт 1914–1918 годов говорит об обратном: в конце концов все национальные церкви оказались зачисленными в *Священный союз империалистического массового убийства*, и именно в 1917 году в Италии нейтралистские позиции окончательно сменялись интервенционизмом, в связи с поражением под Капоретто и революционным восстанием в октябре в России, которое заставило вспыхнуть угрозу *«атеистического коммунизма»*.

В-третьих – и это следует подчеркнуть – решающее значение имеет сама пастырская нота, поскольку она указывает на *«центральность войны»* как отличительную черту нового политического цикла *«по сравнению с последними десятилетиями»*, как в международных, так и во внутренних отношениях.

Речь идёт о том, чтобы понять, как вопросы государства, пространства и времени конфликтов и *центральности войны* ставятся перед революционной политикой, определяя конкретные задачи, которые сопутствуют *генеральной задаче* укоренения партии по большевистскому образцу в европейской метрополии – задаче, которая остаётся центральной и в условиях нового *кризиса порядка* становится не менее, а скорее более насущной.

Ленин пишет эссе “Крах Второго Интернационала” в мае-июне 1915 года; брошюру “Социализм и война” – в

июле-августе. Контекстом служит политическая борьба в преддверии Циммервальдской конференции, которая состоялась 5–8 сентября 1915 года; цель состоит в том, чтобы утвердить позиции *революционного пораженчества* и *превращения войны в революцию*, заложив основу для III Интернационала и противостоя центристским позициям тех, кто не хотел окончательно отрываться от партий, которые предали интернационализм и вступили в *Священный союз* со своими буржуазиями.

Ленин, находясь в Швейцарии, пишет о переходе к *«новому виду организации и борьбы»*, но имеет в виду *«дни»* революционного штурма, которые *«равняются 20-летиям»* мирного продвижения, – годы, в которые *«нет революционной ситуации»* и *«нет условий для брожения в массах»*¹.

Сегодня мы проживаем не те *«дни»*, когда война превращается в революцию; мы не видим перед собой даже Циммервальда, где собрались узкие течения меньшинства. В “Социализме и войне”, предназначенном для распространения среди делегатов конференции, всё ещё ощущается двойственность ситуации: война уже началась, но ещё нет мобилизации масс. Ленин, конечно, пишет о *«новом виде организации»*, но также призывает к участию в пацифистских демонстрациях: *«Настроение масс в пользу мира часто выражает начало протеста, возмущения и сознания реакционности войны. Использовать это настроение – долг всех с.-д. [коммунистов]. Они примут самое горячее участие во всяком движении и во всякой демонстрации на этой почве, но они не будут обманывать народ допущением мысли о том, что, при отсутствии революционного движения, возможен мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между теперешними правительствами и господствующими классами»*²

Сегодня, повторяем, мы переживаем не дни, а годы *войн кризиса порядка*, сколько бы они не продлились. Интернационалистическая политическая борьба с её теоретическими, политическими и организационными аспектами является конкретной задачей, сопутствующей *генеральной задаче*, в период, который уже не является стратегическим затишьем *либерального порядка*, но ещё не является *разрушением порядка* империалистической войны, но именно *кризисом порядка* с его цепочкой конфликтов и циклом перевооружения.

Остаётся поразмыслить над тем, насколько поворот в *атлантическом кризисе*, о котором сообщает СНБ Трампа, повлияет на европейский политический цикл, а также на особенности этой интернационалистической борьбы, поскольку борьба с *врагом в нашем доме* является в первую очередь борьбой с европейским империализмом. Большая часть разработки Национальной стратегии безопасности содержит до дюжины фрагментов *доктрин*, вырабатывавшихся американским империализмом на протяжении десятилетий; поэтому нельзя утверждать, что СНБ выражает позиции, полностью отклоняющиеся от этих руководящих принципов. Часть, посвящённая *западному полушарию*, и формулировка *«вывода Трампа»* в отношении *доктрины Монро* может быть связана с тезисами Генри Киссинджера,

известные факторы европеизма

хотя и переосмысленными в более напористом ключе. Многие меры кажутся направленными против проникновения Китая в Латинскую Америку, но, без сомнения, они также относятся к Евросоюзу и договору между ЕС и МЕРКОСУР, если бы соглашение между ЕС и МЕРКОСУР и расширение самого МЕРКОСУР были осуществлены в согласии с США в рамках большой трансатлантической зоны свободной торговли, Штаты бы их разрешили. В противном случае они бы их предотвратили.

Тезис о том, что Америка больше не может в одиночку поддерживать мировой порядок – с образом Атланта, который более не желает нести на плечах тяжесть мира, – можно возводить к доктрине Никсона или доктрине Гуама 1969 года. Идея о необходимости поиска «стратегической стабильности» с Россией, к которой должна вернуться Европа, также напоминает концептуальную систему Киссинджера, в которой подтверждалась готовность предотвратить исключительное сближение между ЕС и Россией и заявлялось о стремлении к классической выгодной позиции в игре баланса сил, в которой Соединённые Штаты были бы ближе к Европе и России, чем они друг к другу. Утверждение, что экономическая мощь Америки – 30 триллионов долларов, которые к 2030 году вырастут до 40, – в сочетании с 35 триллионами долларов союзников, способна противостоять Китаю в обозримом будущем, напоминает о «гегемонистской коалиции», теоретически описанной Фредом Бергстеном в 2022 году, в перспективе двадцатилетнего горизонта, ведущего к формату G2 между объединённым Западом и китайским драконом.

Тезис о том, что США не позволяют вражеской державе доминировать на Среднем Востоке и обеспечат свободу судоходства в Ормузском проливе Персидского залива, пусть даже с помощью внешних мер уравнивания, без «вечных войн» и за счёт экономической привлекательности Соглашений Авраама, содержит в себе, по крайней мере, основной принцип доктрины Картера 1980 года. Тезис о том, что Соединённые Штаты не позволят ни одной другой державе укрепиться настолько, чтобы угрожать американским интересам, и что они оставляют за собой право «предотвращать глобальное господство других» и в некоторых случаях даже «региональное» господство, восходит к доктрине Буша-младшего 2002 года и его неоконсервативным советникам, а также вице-президенту Дику Чейни. На основе этой концепции мы анализировали войну 2003 года в Ираке как войну по выбору и войну за время с целью предотвратить восхождение Китая в Персидском заливе.

Аргументы о том, что приоритетом является экономическое и технологическое укрепление, что именно оно служит основой стратегической и военной мощи, а также о том, что глобализм опустошил промышленную базу и ударил по «среднему классу», являются частью доктрины Обамы «retrenchment» с 2009 года и доктрины Салливана или доктрины Байдена о внешней политике для среднего класса. Тезис о том, что США могут поддерживать «взаимовыгодные отношения» с Китаем,

несмотря на то что он почти достиг паритета с Соединёнными Штатами, восходит к убеждениям, высказанным Киссинджером в книге «О Китае» в 2011 году, с идеей возможной «совместной эволюции» между Вашингтоном и Пекином. В СНБ Трампа это сопровождается подтверждением стратегии отрицания, призванной лишить Китай контроля над Южно-Китайским морем и Тайваньским проливом, сформулированной Элбриджем Колби, но схожей с тезисами Курта Кэмпбелла, бывшего члена администраций Обамы и Байдена. Подтверждение стратегической двусмысленности в отношении Тайваня, по крайней мере на словах, соответствует позиции, которую Вашингтон согласовал с Пекином и придерживается с момента подписания Шанхайского коммюнике Киссинджером и Чжоу Эньлаем в 1972 году.

Наконец, осторожность в признании ЕС как полуфедеративного и конфедеративного государства, с его сведением к простой многосторонней организации, доводится до крайности в том, что было названо своего рода политической и идентитарной войной против Европы. Однако, несмотря на резкие тона дипломатии-спектакля, речь идёт об обычном инструменте американской политики, таким же, как и игра на разделение и противопоставление отдельных национальных компонентов. Здесь вновь проступают убеждения Киссинджера, в которых сосуществовали как тезис о том, что ЕЭС, а затем и ЕС не имели стратегического значения, так и обсуждавшаяся при Ричарде Никсоне линия, препятствовавшая их консолидации, а также намерение помешать автономному стратегическому синтезу в Европе, не зависящему от участия США. Даже если оставить в стороне действительный ялтинский раздел между США и СССР, можно вспомнить скептицизм ФРС при Алане Гринспене по поводу появления евро в конце 90-х годов, игру Джорджа Буша и Чейни в Старую и Новую Европу в войне в Персидском заливе 2003 года, американскую поддержку в 2014 году переворота на Майдане в Киеве, который опирался на неприятие Польшей и странами Балтии сближения между ЕС и Россией.

Что меняется в фундаментальном плане и усугубляет атлантический кризис, так это связь, соотношение и приоритетность между теми частями американской стратегической линии, которые порой противоречат друг другу из-за беспорядочного участия различных течений в администрации в разработке СНБ. Доминирующим фактором является переориентация на западное полушарие, что, кстати, уже подтверждается военным давлением на Венесуэлу. Россия и Китай больше не считаются системными противниками, как это было в СНБ 2017 года первой администрации Трампа. Прежде всего, Европейскому союзу отказывают в легитимности во имя приоритета национальных государств, и это аргументируется тезисом о «изменении характера европейского общества» из-за иммиграции. В то же время и для Соединённых Штатов провозглашается конец эпохи массовой иммиграции – под предлогом противодействия враждебному намерению сформировать избирательные блоки, способные влиять на американскую политику. Если оставить

в стороне оттенки белого превосходства, которыми насыщена риторика Трампа, напомним, что тот же Киссинджер намекал на влияние иммигрантских сообществ на европейскую политику. Эта тема стала регулярной в континентальном политическом цикле, даже в судебных расследованиях, и в конечном итоге это объективное отражение того, что Европейский Союз является тылом средневосточных конфликтов.

В тексте СНБ чётко зафиксировано намерение «культивировать сопротивление текущей траектории Европы внутри наций». Этот факт уже находит подтверждение в действиях по поддержке Найджела Фаража в Великобритании, «Альтернативы для Германии» в Германии или Виктора Орбана в Венгрии, в то время как общая риторика по поводу Европы повторяет известную речь вице-президента Дж. Д. Вэнса на конференции Wehrkunde в Мюнхене в феврале 2025 года. Здесь, заметим, есть первая возможная выгода для еврорастворимости совранизма на итальянский манер, воплощённого Джорджией Мелони, потому что во всей Европе – и также в Японии, для нового премьер-министра Санаэ Такаити – эта формула изучается как способ вернуть дезориентированное общественное мнение к стратегическому консенсусу.

Джампьеро Массоло, бывший генеральный секретарь Министерства иностранных дел Италии и, скорее всего, советник Мелони, в *Corriere della Sera* относится к СНБ со всей серьёзностью: риск для Европы является «экзистенциальным», потому что он касается «идентичности», а также «безопасности» и «экономики». Уместно держать эти три измерения отдельно, потому что ЕС слишком слаб, чтобы сделать из них «единый вызов». Необходимо деидеологизировать противостояние. Оборона Европы должна осуществляться через «сотрудничество между желающими правительствами», признавая, что в обозримом будущем США будут незаменимы. Поэтому «атлантизм» и «европеизм» не противоречат друг другу: это «необходимость, если не удобство», которую Рим понял раньше других. В то же время в экономической сфере «примирение невозможно»: Вашингтон рассматривает ЕС «как блок, который необходимо демонтировать». Надо будет упростить европейские правила, но также необходима «готовность защищаться всеми возможными средствами». Для Италии, начиная с защиты Украины, станет момент выбора: «если Атлантика расширится, будет сложно остаться без европейского берега».

Бернар Гетта, откровенно проевропейский голос, близкий к Эммануэлю Макрону, пытается систематизировать для *La Stampa* линию прагматического федерализма, выдвинутую Марио Драги, чтобы обойти медлительность в принятии решений в Союзе-27 и вернуть Великобританию в европейский процесс. Политическое руководство должно исходить от «немецких, британских, французских, итальянских и польских лидеров, от G5, организаторами которого будут Лондон, Париж и Берлин». По мнению Гетта, это уже происходит; «настало время сказать об этом и официально закрепить».

Путь франко-германо-британского ЕЗ, направляющего G5, возможно, предвещает создание Европейского совета безопасности, но его следует оценивать как реальный процесс: сферу, в которой сталкиваются силы, а не магическую формулу, которая аннулирует противоречивое движение, которое всегда будет существовать в любой комбинации европейского множества надстроек, поскольку это соперничество сил лежит в самой природе процесса плюралистической централизации. Тест Европейского совета 18 декабря показателен: прагматическое толкование Учредительного договора ЕС фактически позволило провести голосование большинством голосов по вопросам внешней политики; усиленное сотрудничество обошло противодействие Венгрии, Словакии и Чешской Республики и запустило форму еврооблигаций на 90 миллиардов евро в помощь Украине.

Фридрих Мерц дал неоднозначный ответ на СНБ Трампа, который прозвучал как неявное давление на партнёров по Союзу: США нужны союзники – если не Европа, то, возможно, Германия. Компромисс Европейского совета, хотя и приемлемый для Берлина, кажется, тормозит амбиции Европы на немецкой тяге. Заблаговременные опасения ЕЦБ по поводу конфискации российских активов на сумму 210 миллиардов евро оказались оправданными, подтвердив, что федеральную власть Центрального банка трудно обойти. К еврозоне присоединяется Болгария, а тема вступления в ЕС вновь актуальна для Швеции и Дании.

Итальянская инициатива – поддержанная Парижем – в отношении еврооблигаций и отсрочки соглашения между ЕС и МЕРКОСУР продемонстрировала динамику, которая выходит за рамки иерархии ЕЗ, возглавляющей G5; Рим, по крайней мере, демонстрирует стремление к активному европеизму, превосходящему десятилетнюю практику пассивного европеизма. Это не первый раз; аналогичная попытка Маттео Ренци закончилась провалом. Однако наш синтез еврорастворимого совранизма основан на оценке, что притяжение европейского поля остаётся определяющим. Если не произойдёт никаких непредвиденных обстоятельств, то и оппозиция будет вынуждена подчиниться Мелони в многочисленных *Union Sacrée* империалистического европеизма, будь то перевооружение или миссии в беспокойном Средиземноморье.

Генеральная задача по созданию организованной силы европейского ленинизма остаётся центральной; подтверждается, что к объективному преимуществу континентального рынка рабочей силы добавляется преимущество единого политического пространства, которое делает организованную работу более доступной для больших концентраций молодёжи в Европе. Интернационалистская борьба против европейского империализма приобретает новые черты революционной оппозиции перевооружению и войнам кризиса порядка.

Lotta comunista, декабрь 2025 г.

Четвёртый пленум по подготовке Китая к войне

По мнению Николая Бавереца из *Figaro*, проект китайского пятилетнего плана на 2026–2030 годы, одобренный IV пленумом ЦК КПК, знаменует переход Китая к «военной экономике». На национальном уровне внимание будет сосредоточено не на восстановлении баланса спроса, а на сокращении внешних зависимостей – с тем, чтобы противостоять внешнему давлению и международным санкциям. Подготовка к войне, пишет французский экономист, теперь полностью интегрирована в стратегию экономического развития Китая.

На наш взгляд, было бы более правильным говорить об «экономике перевооружения», поскольку в настоящее время ни одна из великих держав ещё не перешла к масштабам настоящей военной мобилизации, то есть к военным расходам, которые в исторической перспективе измерялись бы десятками процентов ВВП. Напротив, изменения до сих пор касались нескольких процентных пунктов и долей процента. Это не означает, что процесс перевооружения не затрагивает экономику и всё общество, с более или менее соответствующим публичным обсуждением. Китайская дискуссия, защищённая великой стеной иероглифов, всё же открыто затрагивает некоторые проблемы подготовки к войне.

Цзинь Цаньжун из Пекинского университета Жэньминь использует состояние «стратегического тупика» между США и Китаем для обоснования китайского перевооружения. После многих лет «сотрудничества и соперничества» в период с 1972 по 2017 год администрации Трампа и Байдена нанесли ряд «комбинированных ударов», которые Китай успешно отразил, достигнув психологического паритета – или «неминуемого паритета сил», как выразился другой китайский эксперт, Цуй Хунцзянь. Теперь Пекин должен «избегать разрыва» с США, «держат на привязи» Россию, «разводить» между собой старые державы, Европу, Америку и Японию, и «стабилизировать соседство» в Азии. Между тем, Пленум впервые использует в своих рекомендациях формулировку «готовиться к войне».

Американская внешняя политика изложена в недавно опубликованной Национальной стратегии безопасности (НСБ). По мнению Цзинь Цаньжуна, часть, посвящённая Азии, раскрывает торг между американскими фракциями: «дипломатический истеблишмент», ориентированный на удержание превосходства в Азии; «прагматики с Уолл-стрит», выступающие за экономическое сотрудничество с Китаем; «фракция MAGA», более сосредоточенная на внутренней экономике и западном полушарии и более готовая признавать ограниченность американской мощи. Течения тремпизма будут оставаться в противоречии друг с другом в течение президентского срока; кроме того, неизвестно, будут ли будущие администрации продолжать эту стратегию. С другой стороны, определённая степень преемственности наблюдалась между первым сроком Дональда Трампа, президентством Джо Байдена и нынешним вторым сроком Трампа.

В американском стратегическом документе Китай признаётся «почти равным» соперником. Утверждается, что

на торговую войну, начатую Трампом на первом сроке, Пекин ответил экспортом капитала в Азию и превращением своих соседей в «прокси» в торговой войне по доверенности. Вашингтон отвечает обновлением политики «двух рук» – экономической конкуренции и военного сдерживания: в ближайшие годы ВВП США вырастет с 30 до 40 триллионов долларов, сохраняя «взаимовыгодные» отношения с Китаем. Это будет сопровождаться протекционистскими мерами и использованием союзников против экспорта китайских товаров и капитала, включением соответствующих положений в торговые соглашения и поощрением Европы и Японии «рассматривать страны со средним уровнем дохода как ограниченный, но растущий рынок для своего экспорта». Как говорится в НСБ, союзники и партнёры добавляют ещё 35 триллионов долларов к «экономической мощи» США. Речь идёт о довольно грубой количественной оценке гегемонистской коалиции между США, Европой и азиатскими странами для противостояния Китаю, которая в своё время была теоретически обоснована в Штатах Фредом Бергстеном. Цзинь Цаньжун оставляет это без комментариев, но делает два замечания.

Во-первых, вероятно, что конкуренция со стороны Китая вызовет всё более активную реакцию со стороны европейских стран. «Единый фронт» с Европой остаётся для Пекина основным вариантом уравнивания США, в том числе за счёт европейского стремления к пересмотру баланса сил в Атлантическом альянсе; но в свою очередь и сами европейские страны увидят, как из-за подъёма Китая оказываются «подорваны их приобретённые интересы и привилегии, гарантированные старым порядком», – тенденция, которая объективно сужает Китаю пространство для манёвра. В ближайшей перспективе, в конечном счёте, враждебность Европы и Японии по отношению к Поднебесной будет в меньшей степени формироваться под влиянием США и в большей – под влиянием мирового рынка.

Во-вторых, в Стратегии безопасности содержится требование, чтобы союзники «взяли на себя основную ответственность за свои регионы», действуя под координацией США и выравняваясь под воздействием экономических стимулов и принудительных мер таможенной войны. Этот «своего рода реализм» признаёт ограниченность американской мощи, но стремится удержать её в центре всех отношений. Вашингтон намерен сохранить инициативу и своё влияние в этих регионах: «Даже если Европа достигнет порога в 5 % военных расходов, – комментирует Цзинь Цаньжун, – ей всё равно не будет позволено сформировать независимую «европейскую армию»». С одной стороны, НСБ поддерживает европейское перевооружение, но, с другой, выступает против политико-стратегического измерения Европы как державы. Здесь, теоретически, для Китая вновь открывается пространство для поддержки автономии Европы как противовеса Соединённым Штатам.

«Конвенциональное военное равновесие» вдоль первой цепи островов, простирающейся от Японии до Тайваня,

Филиппин и Южно-Китайского моря, является вторым направлением азиатской политики США. Документ о стратегии обязывает Вашингтон отразить любого потенциального агрессора, но уточняет, что «американская армия не может и не должна делать это в одиночку». С одной стороны, это признание невозможности США единолично гарантировать военное равновесие в азиатском эпицентре; с другой стороны, это превращается в мощный стимул для перевооружения региона и в требование США о доступе к базам и развёртывании ракет средней дальности на азиатских архипелагах.

НСБ, напротив, в более мягкой форме формулирует расширение доктрины Картера – американской гарантии открытых дверей в Персидском заливе – на Южно-Китайское море. Возможность того, что Китай будет контролировать это спорное и «жизненно важное» для международной торговли морское пространство, называется «связанным вызовом», потенциально опасным для американской экономики и интересов. Таким образом, Индия, Япония, Филиппины и Южная Корея должны поддерживать гонку вооружений, способствуя американской игре на уравнивании сил в западной части Тихого океана.

В своём развёрнутом выступлении, опубликованном шанхайским аналитическим центром “Guancha”, Цзинь Цаньжун обращается к тайваньской проблеме в разделе, посвящённом внутренней политике. Автор не скрывает беспокойства по поводу дефляции в Китае, «рецидиве социальных конфликтов» и демографической проблемы, но связывает её с сигналами внешней политики. Вашингтон заигрывает с Москвой и критикует Токио и Брюссель, чтобы настроить их против Пекина, и даже дипломатия является частью подготовки к войне. Между тем Китай отказывается от сдержанной позиции и в военной сфере, испытывая серию ракет, дронов и истребителей последнего поколения, спуска на воду авианосцы и увеличивая свой ядерный арсенал.

Вопреки распространённому мнению о том, что война в Украине подталкивает Пекин к нападению на Тайвань, Цзинь Цаньжун считает, что в таком конфликте Китай потерял бы больше, чем Россия. Российский медведь в меньшей степени встроен в мировую экономику и располагает всеми элементами периодической таблицы, «которая, как говорят, не случайно была составлена русским Дмитрием Менделеевым». Пекин же, напротив, экспортирует в больших масштабах и импортирует зерно, нефть и минеральные ресурсы, и «это его самая большая слабость».

Китай имеет запасы зерна на два года, которые хранятся с очень высокими затратами в азотной среде, что предотвращает прорастание или плесневение зерна в течение пяти лет. Что касается проблемы нефти, то Цзинь Цаньжун настроен «оптимистично». Пекин импортирует 550 миллионов тонн в год, но сто миллионов будут добыты за счёт освоения внутренних месторождений, начатого в рамках предыдущего пятилетнего плана; ещё сто миллионов будут дополнительно поставляться по

железной дороге из Центральной Азии – «заднего двора», который Владимир Путин был вынужден открыть для Китая из-за войны; наконец, ещё сто миллионов тонн будут сэкономлены за счёт электрификации автомобилей. В случае полного прекращения морских поставок останется синтетический бензин из угля – технологии, которая в Китае считается «достаточно зрелой», несмотря на её высокую стоимость. Но цена «не будет проблемой в военное время».

Вопрос зарубежных рынков, напротив, остаётся нерешённой уязвимостью. Пекин будет «уязвим» в плане доступа к международным рынкам «в случае войны». Контрстраховка в виде стратегии «двойного обращения» – то есть опоры на внутренний рынок – пока недостаточно подготовлена: «Между китайскими провинциями существует больше институциональных барьеров, чем на международном уровне. Вход на рынок каждой провинции требует повторных согласований, что приводит к чрезвычайно высоким транзакционным издержкам. Наша страна политически и юридически едина, но административно раздроблена».

Американская тарифная атака ударила по экспортирующим центрам провинций Чжэцзян, Шанхай, Цзянсу и Гуандун. Цзинь Цаньжун даёт понять, что эти провинции решительно поддерживают движение к «по-настоящему единому национальному рынку», выступая против протекционизма как материкового Китая и Маньчжурии, так и самих прибрежных провинций, которые конкурируют между собой за внутренний и внешний рынки. Другими словами, внешняя торговая война находит своё отражение во внутренней торговой войне, понимаемой не только как движение товаров, но и капиталов. Парадоксально, но экспортирующим провинциям было бы проще вести торговую войну по доверенности в Азии – продавая туда оборудование и инвестируя капитал, – чем встраиваться во внутренний цикл, контролируемый местными властями и характеризующийся «ценовой войной» и избыточным производством.

Этот процесс вызывает значительные политические последствия, которые освещает индийская пресса, всегда внимательно следящая за трудностями соседа-гиганта. Шьям Саран, бывший министр иностранных дел в правительстве Сингха и советник по безопасности Нарендры Моди, обращает внимание на другую сторону противоречий между китайскими провинциями: их долг, по данным МВФ, уже достиг 88 % ВВП. Нирупама Рао, бывший посол в Китае, пишет, что «разворот Китая вовнутрь – его стратегия «двойного обращения» [...] – отражает осторожность и тревогу сверхдержавы». Индийская дипломатка предполагает, что Дракон, занятый континентальным метаболизмом, вынужден сделать «стратегическую паузу» или, во всяком случае, перейти к «тихой адаптации». В любом случае, Дели следует воспользоваться этим периодом для укрепления своей «экономической и военной устойчивости». Каждому разбойнику своя экономика подготовки к войне.

Lotta comunista, декабрь 2025 г.